

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 6, pp. 1202–1216, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(574)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216

Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников)

Зиябек Ермуханович Кабульдинов¹, Акмарал Рашидкызы Бейсембаева², Еркин Аманжолович Абыль³, Анар Советхановна Тылахметова⁴

¹ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

² Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

PhD-докторант, научный сотрудник

 0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

³ Институт истории государства (д. 4, ул. Бейбитшилик, 010000 Астана, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор, директор

 0000-0001-8722-3992. E-mail: yerkinabil@gmail.com

⁴ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

младший научный сотрудник

 0000-0002-7323-0515. E-mail: anora_1986@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абыль Е. А., Тылахметова А. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В 1740–1780-е гг. процессы децентрализации Казахского ханства привели к тому, что оно оказалось в орбите сложных внешнеполитических отношений. В этот период отстаивания политической самостоятельности из наиболее авторитетных лидеров Казахского ханства одним из главных акторов принятия политических решений Великой степи становится Абылай-хан. В процесс развития дипломатических связей с Цинской империей включился и продолжил его сын Уали, сохранивший в основе своего дальнейшего управления казахскими землями курс балансирующей стратегии по дипломатическому лавированию в условиях двойного подданства. Таким образом, целью исследования является изучение дипломатических отношений Абылая и Уали с Цинской империей; привлечение архивных материалов для изучения редких, по сравнению с личностью Абылая, сведений о деятельности

Уали. Источниковой базой работы послужили документы из фондов Исторического архива Омской области. Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива древних актов. Многие документы из Исторического архива Омской области стали рассекреченными лишь в 2019 г. и еще не введены широко в научный оборот. Благодаря этому удалось выявить новые исторические факты, в том числе о деятельности малоизвестной личности Уали-хана в контексте его дипломатических связей. Известные сейчас материалы, предоставляющие сведения о событиях XVIII–XIX вв., в отличие от освещения деятельности Абылая, не проливают полностью свет на проблему роли Уали в исторических процессах. Поиски информации о данной исторической личности показали, насколько он является малоизученным персонажем. *Результаты.* В ходе казахско-цинских переговоров по урегулированию земельных конфликтных вопросов после падения Джунгарского ханства и налаживания торгово-экономических отношений обе стороны начинают более активно обмениваться дипломатическими миссиями, появляется возможность получения цинского подданства и основание для дальнейшего развития взаимоотношений. Принятие цинского подданства казахскими правителями Абылаем и Уали в значительной степени позволило расширить для них область маневров на политической арене. В роли основной фигуры, налажившей казахско-цинские дипломатические отношения, по-прежнему рассматривается Абылай, взявший на себя наибольшую часть ответственности в этом деле среди личностей, облаченных влиянием в степи. В свою очередь роль и значение деятельности Уали остается малоизвестной для исследователей при обсуждении дипломатических отношений казахов с сопредельными государствами.

Ключевые слова: Казахское ханство, Российская империя, Цинская империя, дипломатия, посольства, дипломатические миссии, казахи, ханы, султаны, Абылай, Уали, Цяньлун, международные отношения, казахско-китайские отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках реализации программы программно-целевого финансирования «Разработка академического издания „История Казахстана с древнейших времен до наших дней“» (индивидуальный регистрационный номер: OR11465469).

Для цитирования: Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абыль Е. А., Тылахметова А. С. Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 15. № 6. С. 1202–1216. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216

Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing Archival Sources for Some Historical Aspects of Relations

Ziyabek E. Kabuldinov¹, Akmaral R. Beisembayeva², Yerkin A. Abil³, Anar S. Tylakhmetova⁴

¹ Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

² Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD Candidate (History), Research Associate

 0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

³ Institute of History of the State (4, Beibitshilik St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor, Director

 0000-0001-8722-3992. E-mail: yerkinabil@gmail.com

⁴ Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Junior Research Associate

 0000-0002-7323-0515. E-mail: anora_1986@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S., 2022

Abstract. *Introduction.* In the 1740s–1780s, decentralization processes within the Kazakh Khanate led to that it was involved into somewhat troubled foreign policy relations. The period of struggle for political independence witnessed the emergence of Abylai — among most authoritative leaders of the Kazakh Khanate — as a key political decision-maker of the Great Steppe. His son Uali joined and continued the process of developing diplomatic relations between the Kazakh Khanate and the Qing Empire. In the future, it was a balanced strategy of diplomatic maneuvers under conditions of dual citizenship that constituted the basis of the latter ruler’s administrative agenda across Kazakh lands. *Goals.* Thus, the study aims to examine Abylai and Uali’s diplomatic relations with the Qing Empire. The paper shall also explore archival materials for data pertaining to diplomatic endeavors of Uali which are scarce enough as compared to those on Abylai’s activities. *Materials and methods.* The work focuses on documents stored at the Historical Archive of Omsk Oblast, Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, and Russian State Archive of Ancient Acts. Quite a number of the documents from the Historical Archive of Omsk Oblast have been declassified only in 2019, and were never introduced into wide scholarly circulation. The newly obtained records reveal certain historical facts, including about certain diplomatic endeavors definitely adding to the little-known personality of Khan Uali. The currently available documentary evidence dealing with the events of the 18th–19th centuries virtually shed no light on Uali’s role in historical processes. Our search for information about activities of this historical figure shows how poorly investigated the latter is. The study employs the principles of scientific and historical knowledge, with due regard the value approach. *Results.* The Kazakh-Qing land-related negotiations after the collapse of the Dzungar Khanate continued with the establishment of trade and economic relations — to witness an increase in mutual diplomatic missions. So, Abylai faced an opportunity to obtain the Qing citizenship as a basis for further development of ties with the Manchu imperial palace. The Qing citizenship of Kazakh rulers Abylai and Uali did significantly expand room for political maneuver of theirs. Abylai is still considered to be a key figure in establishing Kazakh-Qing diplomatic relations, he who had taken the bulk of the responsibility — in this matter — among the then individuals of power and influence in the Steppe. Whereas, the role and activities of Uali remain little-known when it comes to discuss diplomatic relations between the Kazakhs and neighboring states.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Empire, Qing Empire, diplomacy, embassies, diplomatic missions, Kazakhs, Khans, sultans, Abylai, Uali, Qianlong Emperor, international relations, Kazakh-Chinese relations

Acknowledgements. The reported study was funded by PTF program no. OR11465469: Preparation of the Academic Publication ‘History of Kazakhstan from Ancient Times to Present Days’.

For citation: Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S. Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing Archival Sources for Some Historical Aspects of Relations. *Oriental Studies*. 2022; 15(6): 1202–1216. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216

Введение

Султан Абылай (с 1771 г. — хан), государственный деятель казахской степи XVIII в., проводил политику лавирования между крупнейшими империями того времени — Российской и Цинской, поддерживая дипломатические отношения с обоими государствами. В 1740 г. Абылай, формально приняв российское подданство, в то же время с 1757 г. сумел наладить дипломати-

ческие связи с Цинской империей. Постоянное поддержание этих контактов позволяло замедлить продвижение Российской империи на территории Казахского ханства и предотвращать возможную эскалацию активных военных действий со стороны цинского Китая, имевшее место в 1756–1757 гг. [Onuma 2014: 1].

Первое Цинское посольство в ставку Абылая прибыло в 1755 г. во главе с

Шуньдэной и Даюна, при урегулировании приграничных вопросов, возможно, султан Уали уже тогда встречался с цинскими посланниками. Следующее посольство прибыло в 1758 г., в результате которого казахи заключили договор с цинской династией о ведении торговли при урочище, называемом Ирен-Хабырга в Восточном Тянь-Шане. Впервые Уали-султан прибыл в столицу Цинской империи 1 мая 1769 г. Есть ценные данные, свидетельствующие о посещении султаном дворца императора династии Цин в конце 1760-х гг. [[Прошлое Казахстана 1997: 316](#)].

Состав прибывшего казахского посольства состоял из 15 человек из числа преданных соратников, которых Абылай отрядил для сопровождения сына. Согласно китайским источникам, фиксировавших в том числе строгую раскладку чиновников и гостей на приемах императора, Уали-султан как чингизид сидел рядом с представителями монгольской знати. Так же было отмечено, что император Айсиньгёро Хунли в честь данного события создал стихотворение. Пребывание в цинском императорском дворе должно было иметь значительные политические и экономические последствия для дальнейшего развития казахско-китайских отношений [[Бейсембаева 2021: 131](#)].

Роль и деятельность видных степных правителей до сих пор мало изучена и недостаточно широко известна общественности. Например, если хану Абылаю посвящено немало научных трудов, то личности других его современников и соратников оказались несколько обойденными вниманием исследователей.

Уали был старшим сыном Абылай-хана и Сайман-ханым, его второй супруги, дочери каракалпакского бека Сагендек-Чувакбая. Юные годы Уали проходили в исторический период, насыщенный многими событиями политического и военного характера. Его окружение в основном составляли представители семей приближенных и соратников Абылая, который являлся одним из самых влиятельных государственных деятелей в казахской степи XVIII в. Несомненно, это оказывало влияние на формирование характера и личности Уали-бахадур с ранних лет, а также на приобретаемый им опыт в развитии казахско-китайских отношений.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы, собранные в фондах архивов Российской Федерации, и опубликованные в составе различных сборников документы. Первую группу составляют материалы фондов Исторического архива Омской области (далее — ИА ОО), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА), Государственного архива Оренбургской области (далее — ГА ОО), касающиеся обозначенного периода. Во вторую группу источников вошли опубликованные документы и материалы: «Цинская империя и казахские ханства: вторая половина XVIII – первая треть XIX в.» в двух томах; «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков»; «История Казахстана в документах и материалах: Альманах»; «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» [[Цинская империя 1989а](#); [Цинская империя 1989б](#); [ИКРИ 2005](#); [ИКРИ 2006](#); [ИКРИ 2007а](#); [ИКРИ 2007б](#); [История Казахстана 2013](#); [Эпистолярное наследие 2014](#)].

Методологическую основу работы составили такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность, а также применяемый в исторических исследованиях ценностный подход. Они предполагают всестороннее, объективное рассмотрение тех или иных исторических событий, учет целого спектра факторов, влиявших на деятельность исторической личности и его окружения, рассмотрение исторического события во взаимосвязи всех элементов.

Падение Джунгарского ханства — требование цинского императора о выдаче Амурсаны

Как известно, вместе с началом падения и тотальной ликвидации Джунгарского ханства территориальные конфликты казахских правителей с цинскими властями приобрели тенденцию к обострению. Так, летом 1755 г. в казахские земли прибыло посольство Цинской империи, достигнув территорий базирования султана Абылая. Император династии Цин желал скорого

разрешения вопросов, касавшихся новых пограничных земель. В свою очередь Абылай не признал захват войсками Джунгарского ханства и начал оказывать свою поддержку Амурсане, главе восстания выживших джунгар. Казахи надеялись вернуть часть своих исконных земель, захваченных ранее джунгарами.

С приходом весны в 1756 г. казахские отряды пробрались вглубь территорий джунгар для оказания военной помощи. Император Айсиньгёро Хунли, придерживавшийся девиза Цяньлун «непоколебимо и славно», получив это донесение, сразу направил войска на территорию казахских земель. Цяньлун приказал развертывать войска в южном и восточном направлениях для нападения на территорию Среднего жуза. Цинский император категорически потребовал у Абылая выдать мятежного Амурсану, в 1755 г. поднявшего восстание против цинов. Когда армия императора весной 1756 г. вторглась в Джунгарию, Амурсана бежал к казахам, найдя покровительство у Абылая [Акимбеков 2018: 127].

Это обстоятельство описывается в указе цинского императора о направлении очередной дипломатической миссии к казахам с требованием задержать и выдать цинским властям Амурсану; письмо было адресовано Абылаю от 1 апреля 1756 г. В нем император говорил, что казахи еще недавно пострадали от нашествия «варваров» и что нужно положительно относиться к нынешнему положению дел джунгар. Так же он предупреждал о возникновении конфликтной ситуации из-за укрывательства участников восстания против Цинской империи [Цинская империя 1989а: 81–82].

Как видим, поимке авторитетного и влиятельного Амурсаны цинский император уделял очень большое внимание, поскольку с его именем могло начаться новое возрождение Джунгарского государства. Из этого письма мы также усматриваем и желание Абылая сохранить политический авторитет джунгарского правителя. Видимо, Абылай хотел видеть в лице уже нового возрожденного и ставшего дружественного казахам Амурсаны противовес набиравшей в регионе силу Цинской империи.

Поэтому под разными уловками, предложениями Абылай пытался не выдавать своего союзника Амурсану, что следует из донесе-

ния Цзянцзюня Дардана военному совету сведений, полученных от казахских пленных Чулука и Аралбая, и из приказа императора о выводе войск из казахских земель от 4 октября 1756 г. В донесении приводятся в подтверждение наших размышлений слова Абылая, в которых он уверял цинского военачальника об отсутствии каких-либо намерений сражаться против Цинской империи. Наоборот, с его слов он подвергся нападению цинских войск во время своих поисков Амурсаны, ставшего сейчас легкой добычей, поймать которую не составит труда [Цинская империя 1989а: 112].

Далее цинская сторона подробно и скрупулезно сообщала, что Абылай под разными предложениями не выдает предводителя восстания. В донесении для военного совета предполагали о намеренном замедлении продвижения цинских войск. Данное обстоятельство могло подвергнуть казахский народ большой опасности [Цинская империя 1989а: 108].

Цинская армия, выдвинувшаяся с восточного направления, встретила отряды, координируемые Амурсаной и казахским батыром Кожабергенем. В южном направлении войска столкнулись с отрядами под предводительством Абылай-султана и Богенбай-батыра. Ряд сражений замедлил продвижение цинских войск глубоко в степь, и выигранное время позволило казахским аулам перекочевать в противоположном направлении от мест сражений и спасти от гибели и плена сотни тысяч соплеменников.

Об одном из этих сражений Абылай с китайцами писал в своем рапорте сибирский губернатор В. А. Мятлев в Коллегию иностранных дел Российской империи от 27 октября 1756 г., когда казахи, дав небольшой бой, были вынуждены отступить из-за своей малочисленности: «По объявлению вышедших из киргис-кайсацкого полону и восприявшие святое крещение Зенгорской земли калмыки Кубина Акдыева, Полваны Халваева, Тубежа Маряхалова, Бика Манкуева объявляют же, что на киргис-кайсаков идет мунгальское войско многое число и пошли в погоню, а киргисской владелец Аблай-салтан со своим войском против того мунгальского собрался было на баталию и встретился в урочище Нор-Ишимском, где и зделалася у них баталия, точию де за малолетством у него Аблая в собрании войска

против мунгальской силы состоять не мог и побегал со своими улусами к урочищу Яр-гис-Тургай» [АВПРИ. Ф. 3Д. 1755–1757 гг. Оп. 113/1. Д. 4. Л. 539об.]. Казахские отряды различными маневрами и нападениями не позволяли объединиться силам цинской армии, выступившей с южного и восточного направлений. Поэтому армии императора Цяньлуна были вынуждены вернуться обратно из-за наступившей холодной зимы.

Следующим летом, 29 июня 1757 г., вышел указ императора, повелевавший чиновникам направить специальное посольство в Старший и Средний жузы с требованием незамедлительно выдать Амурсану. Согласно данному указу, император назвал Амурсану «бандитом» за его ненадежность и непостоянство, он изъявлял опасения, что казахи могли угодить в его ловушку [Цинская империя 1989а: 115–116]. В этом императорском указе есть и убеждение, угроза и даже предложение получения наград: видимо, Амурсана все еще представлял серьезную угрозу для Цинской империи, которая решила уничтожить джунгар во главе с Амурсаной.

Абылай решил пойти на маневр, показывая желание принять и цинский протекторат. Во-первых, надо было остановить цинское вторжение на территории Казахского ханства. Во-вторых, Абылай претендовал на часть земель в Джунгарии. Это было время, когда решался и вопрос выживания Казахского ханства между двумя империями [История 2020: 6]. В этой связи 31 августа 1757 г. казахский султан писал императору Цяньлуну, что изъявляет желание присоединиться к великой цивилизации, которую представляет Цинская империя [Эпистолярное наследие 2014: 289]. Уже в сентябре 1757 г. казахское посольство принимали в Пекине [Цинская империя 1989а: 141].

В стан Абылая были направлены люди от цинского императора, с требованием срочно схватить и немедленно выдать Амурсану. Переговоры продолжались до поздней осени. Вот как докладывал на этот счет Чжао Хоя о переговорах его людей с Абылаем от 19 ноября 1757 г., когда султан в свою очередь выдвинул встречные требования о выводе цинских войск из казахских земель, ссылаясь на то, что Амурсаны у него нет: «Аблай подробно рассказал, как бунтовщику Амурсане удалось бежать из окру-

жения. Мы ответили, что до тех пор, пока разбойник Амурсана не захвачен, невозможно выводить войска из казахских пределов... Мы отвечали: „Вы уже долгое время тянете и не передаете нам разбойников, поэтому хотели послать отряды в помощь. Однако опасаемся, что переполошим ваши кочевья, поэтому предварительно оповещаем вас...“. Аблай обещал встретиться через день... Договорились встретиться еще раз на следующий день. В тот день Аблай прислал человека сообщить, что он заболел. Не встречались более 10 дней, поэтому мы стали посещать его приближенных, они говорили, что Аблай связан с Амурсаной клятвой... Аблай клялся своими детьми и братьями. С этого дня встречались с Аблаем более 10 раз...» [Цинская империя 1989а: 129–130]. Позже Абылай сообщил о побеге Амурсаны в Российскую империю. Как видим, Абылай, будучи связанный какими-то обязательствами с Амурсаной, пытался вымотать цинскую депутацию, избегая с ними встречи и выигрывая время.

О мерах пресечения казахско-цинских контактов

В последующие годы, когда цинская угроза Джунгарии отошла на второй план, казахи рассматривали возможность цинской угрозы по отношению к себе, о чем свидетельствует рапорт командующего в Звериноголовской крепости секунд-майора Д. Скотина командующему Сибирским корпусом — бригадиру К. Л. фон Фраундорфу от 1 апреля 1758 г. Согласно сведениям из рапорта, казахи опасались нападения войск императора Цяньлуна и в связи с этим намеревались перекочевать ближе к российским крепостям [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 74–75]. В то же время из этого письма выходит, что Российская империя несколько подвергала сомнению эту опасность, видимо, опасаясь активности в районе новых крепостей Новоишимской линии, построенной на казахских землях в 1752–1755 гг.

Данные сомнения вытекают и из усилившихся именно в это время попыток контактов казахов с Цинской империей. В этой связи Российская империя предпринимала меры по недопущению установления устойчивых политических контактов казахов и Цинской империи. В Указе Коллегии иностранных дел исполняющему обязанности

оренбургского губернатора А. И. Тевкелеву и советнику П. И. Рычкову от 6 мая 1758 г. сказано о мерах по пресечению попыток цинского правительства установления политических контактов с казахскими владельцами. Абылай-султан сообщал о достижении перемирия с Цинской империей, которое было заключено в начале июня 1757 г. в урочище Айгуз и Айсантык, близ реки Аягоз, и взаимном обмене посольствами. В результате переговоров стороны договорились также организовать торговлю в урочище под названием Ирен-Хабырга [АВПРИ. Ф. ККД. 1758 г. Оп. 122/1. Д. 3. Л. 7–16об.].

Тем временем именно в период полного разгрома джунгар в 1758 г. отношения между казахами подвластными Абылаю и Цинской империей складывались весьма благоприятные, о чем красноречиво свидетельствует донесение сибирского губернатора Ф. И. Соимонова в коллегию иностранных дел от 14 июля 1758 г. Китайцы рассматривали казахов как своих сторонников и в случае войны Амурсаны с династией Цин казахи могут принять их сторону. Согласно сведениям, излагаемым в донесении, командованию цинских войск было известно о том, что Амурсана находился в Российской империи, в связи с этим они планировали отыскать его военными силами, а казахские кочевья в это время должны были уже располагаться у российских границ [АВПРИ. Ф. 3Д. 1758 г. Оп. 113/1. Д. 4. Л. 220–221].

Иногда Абылай «открыто» выражал свою позицию Российской империи по отношению к цинскому императору, касавшуюся поимки и возврата Амурсаны, о чем свидетельствует его письмо исполняющему обязанности оренбургского губернатора А. И. Тевкелеву об отношениях с цинским правительством от 22 июля 1758 г., решительно настроенном как против Амурсаны, так и против Российской империи, пытавшейся спасти джунгарского беглеца. По его словам, с целью требования выдать Амурсану цинскому правительству в Российскую империю будет направлен посол Цяньлуна, в случае же отказа император прибегнет к силовым методам [АВПРИ. Ф. ККД. 1758 г. Оп. 122/1. Д. 3. Л. 99–99об.].

Хотя можно открыто предположить, что этим сведениям Российская империя не доверяла, и они обязательно сличались.

Имели место перекрестные перепроверки через разведчиков и лазутчиков из числа, к примеру, «проверенных» бухарцев или татар. В «сказке» посланца оренбургской губернской канцелярии Мурзалея Шихова передавалось об установлении Абылаем посольских связей с цинским двором, о политической обстановке в регионе от 29 августа 1758 г. Мурзалея Шихов сообщал, что, по известным ему данным, Абылай принял цинское подданство весной 1757 г. Цинские войска располагались на расстоянии двух месяцев пути от кочевий Абылая у озера Баркуль. На реке Или не имелось поселения, однако были устроены почтовые станции цинского войска, а также ими были разведаны там пашни. К казахам прибыли цинские послы, которые, по словам М. Шихова, разместились у Абилмамбет-хана в ожидании султана Абылая, батыров Кулсары и Куляка [АВПРИ. Ф. ККД. 1750 г. Оп. 122/1. Д. 6. Л. 36–39].

Из этого письма видно, что Российская империя была прекрасно осведомлена о событиях — как в Казахском ханстве, так и у его соседей. Во-первых, в 1757 г. Абылай принял цинское подданство. Во-вторых, империя имела армию, которая была должна быть направлена против казахов в случае осложнения с ними отношений. В-третьих, россиянами было выяснено, что китайцы были плохо вооружены. В-четвертых, в новых местах, где ранее кочевали джунгары, китайцы еще не возвели укрепления. В-пятых, между казахами и китайцами имели место посольские связи [АВПРИ. Ф. ККД. 1758 г. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 23–24].

В следующие годы началась длинная череда дипломатических переговоров казахов с цинским Китаем, в которых были заинтересованы обе стороны. Так, 8 марта 1759 г. в своих письмах казахи Мамык и Базара в адрес Оренбургской губернской канцелярии сообщали о том, что Абылай султан получил почести и подарки от цинского императора. Более того, они докладывали, что казахский султан заключил мир с Цинской империей ради сохранения жизни своих подданных, благодаря чему и получил немалое благоволение императора Цяньлуна [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 189–190]. Более того, эти же информаторы сообщили российской стороне одно весьма важное сообщение о занятии султаном Абылаем нейтральной позиции и его отказе оказывать помощь какой-либо

стороне в случае военного столкновения Российской и Цинской империй: «но в собственной только осторожности пребудет» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 189–190].

Вместе с тем казахский хан Абилмамбет и султан Абылай проводили сложные переговоры с китайцами, о чем свидетельствует промемория Оренбургской губернской канцелярии на адрес бригадира Сибирского корпуса К. Л. Фрауендорфу от 23 марта 1759 г. Безусловно, главный вопрос был о свободном кочевании казахов на опустевших от джунгар землях. Более того, Российская империя была заинтересована в недопущении китайцев на территорию бывших джунгарских земель. Об этом еще 11 февраля 1759 г. императрицей Екатериной II издан указ генерал-майору А. И. Тевкелеву и коллежскому советнику П. И. Рычкову [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 230–231].

Интересы Российской империи и казахов практически совпадали: Российская империя не хотела допускать Цинскую империю в Джунгарию, а казахи желали попасть на земли Джунгарии.

Переговоры о возвращении урянхайцев и калмыков Цинской империи

Из рапорта сибирского губернатора Ф. Соймонова в Коллегию иностранных дел от 30 сентября 1759 г. известно, что в ответ на дипломатические миссии китайцев Абылай также отправлял послов в Пекин [АВПРИ. Ф. 3Д. 1759 г. Оп. 113/1. Д. 2. Л. 185–186об.]. Согласно сведениям из данного рапорта можно сделать следующие выводы. Во-первых, в Цинскую империю была отправлена дипломатическая миссия во главе с родственником Абылая — Урус-султаном. Во-вторых, была достигнута предварительная договоренность о торговле с китайцами в районе местности Ирен-Хабырги, что располагалась на землях бывшего Джунгарского государства. Цинская сторона делала попытки принятия в подданство казахов и других соседствующих народов, что еще не входил в Российскую империю.

Начался процесс длительных дипломатических переговоров. Несмотря на то, что Абылай с 1757 г. находился в мирных отношениях с Цинской империей, он нередко нападал на ее подданных — урянхайцев, что вызывало негодование со стороны цинских властей. Так, империя продолжила возведение укрепленных линий в долине реки Или

и в Тарбагатае. 9 марта 1760 г. вышел указ императора Цяньлуна военному совету отправить посольство к Абылаю в связи с нападением его людей на урянхайцев. Согласно указу, император повелел разобраться в донесениях о нападениях казахов на Урянхай, а также выразил сомнение в подлинности сведений о личном участии Абылая в нападениях. В связи с тем, что текущая торговля в Урумчи с постоянно прибывавшими казахами протекала плавно, такие нападения со стороны казахов не должно были происходить [Цинская империя 1989а: 172].

В мае 1760 г., видя возмущение цинской стороны, озлобленной угоном урянхайцев, Абылай старался успокоить цинские власти, выражая им верность и уважение в письмах, адресованных императору Цяньлуну [Эпистолярное наследие 2014: 301].

5 июля 1760 г. в стан султана Абылая при речке Кылчакты прибыл цинский посол Наван, о чем переводчик Ф. Гордеев сообщал коменданту Троицкой крепости полковнику П. П. Родену [ГА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 245–250]. Из сообщений переводчика можно узнать некоторые детали казахско-цинских отношений. Во-первых, в стане Абылая была цинская дипломатическая миссия с целью вернуть подданных урянхайцев, калмыков¹ со скотом, которые были угнаны казахами. Во-вторых, они требовали у казахов, которые участвовали в этом угоме, компенсировать урон пострадавшим. Со стороны китайцев прозвучала угроза войной в случае невыполнения их условий. Во время переговоров выяснилось, что пленные, действительно, находятся у казахов, когда к послам прорвались 2 пленных урянхайца, которых китайцы отстояли силой оружия, когда новые владельцы-казахи попытались силой их вернуть. Более того, посол вместе с сопровождавшими людьми отправился к Абилмамбет-хану в район Сырдарьи.

Казахские правители вступали в активные контакты с мусульманским населением Восточного Туркестана, которые начали притесняться Цинской империей в этот период. Согласно сведениям, полученным от некоего Раимбека, туленгута султана Абылая, русским переводчиком Я. Гуляе-

¹ Под калмыками понимаются этнические группы, проживавшие на территории Центральной Азии отдельно от основного места расселения своего народа.

вым и князем И. В. Ураковым о прибытии в Средний жуз послов из Восточного Туркестана 10 апреля 1760 г., к Абилмамбет-хану и Абылай-султану приезжали «нарочные люди» от кашгарских и яркентских ходжей¹ с просьбами о содействии в борьбе с цинскими войсками, выделив людей и лошадей, либо в приостановлении торговли лошадьми с китайцами. Однако ответа не получили, Абылай планировал выехать весной к Абилмамбет-хану для обсуждения данного вопроса [АВПРИ. Ф. ККД. 1760 г. Оп. 122/1. Д. 4. Л. 72].

На фоне относительно мирных отношений казахов с китайцами имели место целые сражения объединенных войск кыргызов и узбеков против маньчжуро-цинских войск, упомянутых в показаниях жителя г. Тары А. Шихова в канцелярии командующего войсками на сибирских военных линиях генерал-майора И. И. Веймарна от 30 августа 1760 г. [ГА ОО. Ф. 1. 1760 г. Оп. 1. Д. 89. Л. 233–234об.]. Из этого документа следует, что при покорении китайцами мусульманских городов Восточного Туркестана некоторые предводители спаслись бегством в города Средней Азии, в погоню за которыми был отправлен цинский отряд численностью в 9 тыс. чел. Однако навстречу им выступили объединенные войска узбеков и кыргызов общей численностью в 100 тыс. чел., которые перебили до 7 тыс. китайцев.

Для того чтобы прекратить набеги казахов на урянхайцев, император Цяньлун в своей грамоте на имя султана Абылая от 18 ноября 1760 г. раз и навсегда запретил нападать на подвластных Цинской империи — урянхайцев [Цинская империя 1989б: 21]. Следовательно, китайцы выяснили, что грабежом урянхайцев занимались казахи. Только после этого казахи стали возвращать скот и захваченных в резуль-

тате набегов людей, подвластных Цинской империи. В свою очередь цинский Китай дал гарантию, что ойраты впредь не будут беспокоить казахов.

К вопросу верности российскому престолу и двойного подданства

В конце 1760 г. в стан китайцев было отправлено казахское посольство во главе с Жолбарыс-султаном. Это вызвало сомнения в российских кругах. Но они были развеяны в ходе беседы командующего на сибирских военных линиях генерал-майора И. И. Веймарна с приближенным султана Абылая — старшиной Байджигитом о причинах отправки казахского посольства в цинский Китай от 1 января 1761 г. Абылай отправил своего брата Жолбарыс-султана с делегацией в Цинскую империю в связи с тем, что люди Среднего жуза с Барак-батыром по недосмотру захватили вместо джунгарских калмыков урянхайцев из Садацкой волости, подданных Цинской империи. Жолбарыс-султан отправился вернуть в империю всех захваченных цинских подданных — кого смогли найти [Цинская империя 1989а: 181]. Абылай послал к цинскому правителю своих людей с целью урегулировать вопрос возврата урянхайцев, угнанных некогда казахами. В 1761 г. цинский император в наказание запретил казахам использовать пастбищные угодья южнее реки Аягуз, однако это все равно не помешало им следовать своим маршрутом кочевания на Тарбагатае.

В этом же году казахам приходилось несколько раз оправдываться в своей верности российскому престолу: Российская империя была обеспокоена тем, что Абылай часто общался с цинским Китаем, о чем свидетельствовало одно из сообщений султана Жолбарыса о взаимоотношениях Абылая с цинскими властями и его верности присяге российскому подданству от 28 декабря 1761 г. [Цинская империя 1989а: 182]. Из этого письма, кроме слов верности российскому престолу и отсутствия намерения получить цинское подданство, казахский султан назвал места для торговли с китайцами: Тарбагатай, Ирен Кабырга и у реки Или. Более того, казахам со стороны Цинской империи было заявлено о запрете кочевать за реку Аягуз. В этой же беседе Жолбарыс сообщал о том, что казахи никаких переписок не имели и послов в Цинскую империю не отправляли. Безусловно, здесь казахи от-

¹ В переводе с персидского означает «господин, хозяин». Термин использовался в Центральной Азии для обозначения титула потомков исламских суфийских миссионеров. Они относились к аристократической прослойке общества и находились вне жузовой принадлежности. Кашгарские ходжи в Восточном Туркестане — это представители мусульманского духовенства, имевшие влияние на все сферы жизни общества. Ходжи часто назначались Цинской империей административными управителями в Алтышаре или Синьцзяне.

крыто лукавили и вводили в заблуждение российскую сторону, что подтверждается многими архивными документами, содержащими информацию о десятках посольств до этой встречи и после.

Об этом свидетельствует и тот факт, что вскоре в Пекин было отправлено новое посольство, о чем можно узнать из рапорта комиссии «О заграничных обращениях» при тобольской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел о направлении султаном Абылаем очередного посольства и ходе колонизации цинами Джунгарии от 29 июля 1763 г. [Цинская империя 1989б: 37].

Из данного документа следует, что на бывших джунгарских землях были уже возведены цинские крепости, где были размещены войска для удержания завоеванных земель. В этот регион были направлены и бывшие военнопленные джунгары, во главе которых были поставлены китайцы. Чтобы сделать джунгар верными империи, цинские чиновники начали практиковать межэтнические браки, замуж джунгарам выдавали китайок, а китайцам — джунгарок, в результате началась ассимиляция джунгар. Все казахские послы всегда щедро одаривались, что было своего рода подкупом казахских представителей [Цинская империя 1989а: 193–195]. Кстати, это посольство возглавил сын двоюродного брата Султанамета — султан Урус. К этому посольству присоединились депутаты от Нуралы-хана и его сына Ералы [Хафизова 2019: 121–122].

Несмотря на то, что Российская империя болезненно воспринимала попытки сближения казахских правителей с цинским Китаем, ханы и султаны продолжали принимать цинские посольства. Башкирский старшина К. Казанбаев побывал в кочевьях Среднего жуза и был свидетелем прибытия в ставку султана Абылая цинского посольства, о чем было сообщено 2 ноября 1765 г. В 1767 г. делегация, направленная Абылаем в Цинскую империю, вернулась с подарками, оцененными в денежном эквиваленте в 2 000 рублей. Со слов старшины: на территории джунгар возводят крепости, располагают селения и войска. Стало также известно, что занятые цинскими войсками два кашгарских города были освобождены, а цинские управители перебиты, и теперь империя послала карательные отряды [Цинская империя 1989а: 212–214].

С целью разрешения приграничных проблем казахи предпринимали отправку послов с миссиями. Об этом свидетельствует один из рапортов командующего Петропавловской крепости генерал-майора А. П. Девица, в котором он 10 октября 1765 г. сообщает командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. И. Шпрингеру о возвращении посольства Абылай-султана в Цинскую империю и о ее войне с Дурранийской империей (т. е. с афганцами) [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 199]. Некоторые казахские старшины, батыры периодически передавали информацию России, видимо не бесплатно.

Распри между казахами и китайцами по земельным вопросам

В казахско-китайских отношениях часто имели место военные конфликты из-за пастбищных угодий, некогда занятых джунгарами. В рапорте сибирского губернатора Ф. И. Соймонова в Коллегию иностранных дел о казахско-цинских столкновениях от 15 января 1763 г. говорилось, что в кочевьях близ реки Сарысу китайцами захвачено в плен немалое количество казахов, подвластных Казбек-бию и Кабай-бию. Переводчик Филат Гордеев и купец Михаил Возмилов сообщали, что многих людей и угнанных лошадей после требования из империи не вернули [АВПРИ. Ф. ККД. 1763 г. Оп. 122/1. Д. 1. Л. 1–12].

Земельные распри между казахами и китайцами не могли не привлечь к этому конфликту внимание других государств, с которыми у Цинской империи складывались непростые отношения. В этой связи со стороны Ирданы-бия, узбекского правителя Средней Азии, имелась попытка заключить военный союз с казахами, согласно письму Ирданы-бия Абылаю о союзе против циннов от 13 августа 1764 г. [Цинская империя 1989а: 202–203].

В 1767 г. после ряда дипломатических переговоров император Цяньлун разрешил казахам кочевать в Тарбагатае и на реке Или в обмен на принятие ими цинского подданства и выплаты налога за использование пастбищ, о чем мы говорили ранее. Однако согласно указу Цяньлуна о направлении Абылаю грамоты о взимании платы за пастбища в случае перекочевки казахов за линию цинских караулов от 17 февраля 1767 г. в виде лошадей и другого скота

[Цинская империя 1989а: 214–215]. При этом в случае осложнений в отношениях казахов с узбекским правителем (беком Ирданой) султан Абылай отправлял посольство в Пекин с просьбой оказать ему военную помощь. В составе посольства из 12 человек отправился и племянник Абылая — султан Давлет-Гирей, о чем 14 октября 1767 г. сообщили башкиры Кутлучара Абзанов, Азибай Курманаев и Валит Тунгатаров, возвратившиеся из Среднего жуза [Цинская империя 1989а: 219].

На наш взгляд, сам Абылай не верил в успех предприятия, заведомо подозревая, что Цинская империя не будет оказывать военную помощь казахам, о чем было сообщено 21 октября 1767 г. в грамоте императора Цяньлуна Абылаю с отказом в оказании военной помощи в войне с Кокандским ханством в связи с тем, что и казахи, и кокандцы являются подданными императора и в данный вопрос он вмешиваться не будет [Цинская империя 1989а: 220–221].

В последующие годы Российская империя продолжала наблюдать за ходом казахско-цинских отношений, в том числе и через русских толмачей. Так, в сведениях, полученных от переводчика М. Ф. Арапова от 17 марта 1769 г. в оренбургской канцелярии, содержится информация о торговых и посольских связях хана Абилмамбета и султана Абылая с цинским двором [Цинская империя 1989а: 166].

Одним из требований цинов было оказание им помощи Абылаем, выделение казахских вооруженных отрядов для захвата ряда городов Средней Азии — Самарканда, Ташкента, Бухары и других поселений — на что они, видимо, дали отказ, ссылаясь на ряд трудностей, в том числе и на то, что там проживают много их соплеменников-казахов [Цинская империя 1989а: 166–168]. Позже выяснилось, что китайцы от своего намерения захватить города Средней Азии отказались.

Согласно этому документу, к Абылаю и Абилмамбету обратились ходжи из этого мусульманского региона, которые просили казахских правителей помочь войсками против притеснений китайцев, убеждали казахскую сторону «не прельщаться» цинскими товарами. Другими словами, имели место попытки создания мусульманского блока, инициированного влиятельными ходжами.

К вопросу об откочевке и укреплении казахско-китайских отношений

В последующие годы стали усиливаться посольские связи Абылая с Китаем и в связи с тем, что в 1771 г. Абылай был избран общеказахским ханом вместо хана Абилмамбета. Так, 3 сентября 1773 г. батыр Кулсары докладывал командующему Петропавловской крепости генерал-майору С. К. Станиславскому, что в ставку хана Абылая вернулся его сын Адиль из Цинской империи, находившийся во дворце императора в качестве аманата [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 174–175].

В последние годы правления хана Абылая его отношения с Россией (на фоне усиления контактов первого с Цинской империей) начали меняться в худшую сторону. Российская империя не желала признавать его общеказахским ханом. Более того, были попытки его ареста и замены другими султанами и даже батырами, что не соответствовало законам Казахского ханства. В этих условиях Абылай пытался сблизиться с Цинской империей, на наш взгляд, с целью вынуждения Российской империи пойти ему на существенные уступки и получения преференций. В письме командующему Петропавловской крепости бригадиру С. В. Суморокову от 16 января 1778 г. Кулебаки-батыр сообщал о желании Абылай-хана вместе со своими подвластными казахами перейти в цинское подданство, отказавшись и от торговых отношений с Российской империей [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 56–56об.]. При этом казахский батыр не только изъявлял знаки покорности власти Российской империи и отхода от Абылая, но и оскорбительно отзывался о нем, видимо, желая получить выгоды и награды со стороны империи [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 56–56об.].

Этот же батыр, побывав у Абылая вместе с капитаном Михаилом Бреховым и Байжигит-мурзою, сообщал и о тайных «сношениях» хана с цинским императором и его непостоянстве по отношению к Российской империи, о чем было сказано в письме от 25 февраля 1778 г. в адрес С. В. Суморокова. Согласно данному сообщению, Абылай отправил императору Цяньлуну калмыцкого нойона с письмом и пять сопровождавших его казахов в составе посольской миссии [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 161–164об.]. Российская империя предприняла попытки

смещения и даже ареста Абылая, поставив вместо него атыгайского батыра Кулебаки [Султаны и батыры 2018: 5].

Осенью 1780 г. не стало Абылая. Казалось бы, вместе с ним должны были прекратиться связи и контакты с цинским Китаем. Но традиция поддержания добрых отношений нашла продолжение в лице Уали-султана.

Признание ханского титула Уали Цинской империей

Абылай-хан сохранял и удерживал свою власть с помощью двусторонней дипломатии с Российской и Цинской империями. После его смерти старший сын Уали продолжил следовать политике отца. Дипломатические миссии подвластных Уали-хану казахов в Цинскую империю и посещения посольств от императоров Цяньлуна и Цзяцина продолжались, хотя и не с такой частотой, как при Абылае. В материалах отчетов о расследовании избрания нового хана также упоминалась цинская дипломатическая миссия принявшая участие в мероприятиях признания правопреемственности Уали в отношении титула «хан» [Бейсембаева, Кабульдинов 2021: 48].

О том, что цинский император Цяньлун до последнего времени поддерживал отношения с Абылаем, свидетельствует и тот факт, что после кончины хана в своей грамоте от 27 июля 1781 г. император выразил слова соболезнования его сыну Уали и сообщил о проведении обряда поминания. Как сообщили императору чиновники Тарбагатай, Абылай умер вследствие перенесенного тяжелого заболевания. Об Уали у императора Цяньлуна уже имелось глубокое представление и понимание его личности, а также о наличии всех качеств, необходимых для правителя казахского народа. В грамоте он упоминает время пребывания в прошлом Уали в Пекине и полученных им тогда знаках благоволения от правителя Поднебесной. Как старшему сыну Абылая Цяньлун повелевал Уали наследовать титул казахского хана, отправив в казахские земли чиновников с «подношениями». В ответ на оказанную милость Уали должен был «строго сдерживать» и править казахами в окружении своих братьев, поддерживать мир и дружественные отношения с соседями и предотвращать конфликтные ситуации [История Казахстана 2013: 31]. Таким обра-

зом, Цинская империя в лице императора однозначно признавала Уали следующим казахским правителем. На официальную церемонию избрания хана от Цинской империи прибыло солидное посольство, состоявшее из 300 человек с многочисленными и богатыми подарками. Тем самым они хотели выразить слова уважения Уали и поздравить его с выборами в качестве хана [АВПРИ. Ф. 122. 1786 г. Д. 3. Л. 9].

Российская империя об этом прекрасно знала. К примеру, в рапорте от 19 ноября 1781 г. комендант Ямышевской крепости полковник Н. С. Федцов писал командующему войсками на сибирских линиях генерал-майору Н. Г. Огареву о цинском посольстве к хану Уали. Кулебак-батыр 18 ноября лично сообщил Н. С. Федцову, что цинский посол остановился недалеко от Иртышских крепостей. Посол прибыл с объявлением о признании цинским императорским двором Уали-хана на месте умершего Абылая. Уали, созвав старшин, выдвинулся к послу для получения уведомления, а Кулебак-батыр направился с известием в Ямышевскую крепость [Цинская империя 1989а: 243–244].

Очевидно, что китайцы провели обряд поминания умершего хана. Сам новый хан не скрывал ни одной из миссий китайцев. Так, в письме хана Уали генерал-майору Н. Г. Огареву от 30 ноября 1781 г. сообщалось, что осенью в урочище Баянаула приезжало цинское посольство, состоявшее из 300 человек, с немалым количеством даров. Уали выехал в Баянаул для совершения поминок, а в кочевьях замещать его остался брат — Чингис-султан [Цинская империя 1989а: 244].

В своем рапорте командующий войсками на сибирских линиях генерал-майор Н. Г. Огарев подробно писал в Коллегию иностранных дел от 22 января 1782 г. о поминках по Абылаю и утверждении в ханском звании его сына Уали цинскими послами. Сообщалось, что Уали-хан встретился с посланниками императора именно с целью подтверждения ханского титула. Прибыло 130¹ человек, 50 верблюдов, которые были нагружены подарками, вещами и продовольствием для посольства. Уали подняли на белом войлоке, провели поминки с подношением 100 голов овец и сожжением бумажных денег [Цинская империя 1989а: 245–246].

¹ В документе приводится другая цифра.

В обратный путь цинское посольство выдвинулось в сопровождении ответной дипломатической миссии Уали-хана во главе с его младшим братом султаном Шигаем для получения ханского патента и выражения личной благодарности императору, а также подарками в виде лошадей [Хафизова 2019: 157].

Засуха 1785 г. в казахских землях

Избранный ханом после Абылая Уали и далее продолжал отношения с Цинской империей. Следует обратить внимание на отношения между Уали-ханом и Цинской империей в течение 1785 г. В отчете генерал-губернатора Астраханского, Уфимского и Симбирского, Иркутского и Кольванского И. В. Якоби в Коллегию иностранных дел 12 ноября 1785 г. описывали Уали-хана как имевшего дружеские отношения с дворцом Цяньлуна, отметили получение указа от императора Цинской империи в сентябре того же года, в котором цинский император выразил намерение начать военные действия с Российской империей и потребовал, чтобы Уали выполнил свои обязательства в качестве внешнего подданного, поддержав действия императора. Уали-хан вел переговоры с цинским императором о возможности перекочевки в пределы империи из-за тяжелой засухи, произошедшей в 1785 г. [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 60–221].

В архивных источниках 1785 год отмечается небывалой засухой на территориях, подвластных Уали-хану. В ноябре Уали-хан отправил запрос генерал-майору Н. С. Федцову на пропуск табунов в количестве 90 тыс. на территории внутренних земель [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 217]. Со стороны Н. С. Федцова появилось некоторое подозрение, что отклонение данной просьбы повлечет за собой выражение «неудовольствия» со стороны Уали-хана и возможное предъявление претензий Российской империи [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 217]. Позднее ему удалось разведать, через торговые каналы, что Уали в этот период принимал цинских послов и, кроме того, посылал своего младшего брата Касым-султана с письмом в китайские пределы [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60. Л. 84].

Из отчета татарских мулл, связанных с правителем, известно, что Уали-хан отправил пять представителей, включая своего брата, на аудиенцию к цинскому им-

ператору. В составе делегации выехал Касым-султан в качестве посланника хана. По возвращению в казахские земли с султаном прибыли послы Цинской империи, которые встретились с Уали-ханом и провели с ним переговоры, а после и с его султанами [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247. Л. 447–448]. Кроме того, был известен план Уали по переселению в начале XIX в. на территорию Цинской империи. К этому времени отношение Российской империи к хану Уали стало чрезвычайно осторожным, и местный офицер считал Уали весьма хитрым и изворотливым человеком [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262. Л. 716].

Казахские депутации к цинскому императорскому двору

К концу XVIII в. часть казахов Среднего и Старшего жузов приняли подданство Цинской империи, получив доступ к пастбищным угодьям Тарбагатай, долины р. Или и Монгольского Алтая, где Цинская империя возводила военные укрепления при переговорах с Абылаем, чтобы не допустить возвращения казахов на освободившиеся от джунгар земли. Следующие исторические источники способствуют пониманию того, как Уали-хан постоянно укреплял свои отношения с Цинской империей. Китайские дворцовые хроники содержат информацию о 7 официальных посольствах Уали-хана за 40 лет его правления. Согласно этим сведениям, казахские посольства прибывали в 1782, 1787, 1791, 1795, 1800, 1803 и 1809 гг. [Хафизова 2019: 161].

В китайских источниках имеются некоторые сведения о депутациях: Уали-хан направил своего брата Досали-султана для поздравления с 80-летним юбилеем императора Цяньлуна в 1790 г. Указ Цяньлуна от 30 апреля 1791 г. также говорит о приезде посольства хана Уали во дворец цинской династии, которое возглавил его сын — Амиртай-султан [Цинская империя 1989а: 259–260].

Уали-хан имел взаимовыгодные торговые отношения с цинскими рынками. Еще в 1790 г. Уали-хан направил Досали в Кульджу с важной торговой целью. Султан привез очень дорогие и редкие меха, часть из которых не входила в список разрешенных товаров для продажи в Поднебесной. Однако брат хана получил личное императорское разрешение на торговлю этими

товарами. В 1791 г. Досали присоединился к составу казахского посольства в Пекине и должен был остаться на празднование 80-летия императора Цяньлуна осенью [Хафизова 2019: 160].

Весной 1791 г. Пекин посетил также Амиржан, сын Уали-хана. Младший брат и сын правителя Среднего жуза имели политический вес, отправленные миссии имели большое значение для будущего утверждения наследного правопреемника хана.

Уже новый правитель Цинской империи Цзяцин признал преемником хана Уали — султана Габбаса в 1800 г., в посольстве хан отправил своего брата Бегали. Уали планировал по примеру Абылай-хана заручиться поддержкой цинского императора для наследника казахского престола и укрепить его влияние титулом гуна, дарованным Айсиньгёро Юньянем. Однако ранняя смерть Габбаса повлечет за собой серьезные последствия для самой возможности проведения ханских выборов и проблемы выдачи патента Цинской империей на титул хана в казахских землях.

Заключение

Абылай поддерживал мирные отношения с цинским Китаем примерно с 1757 г., когда закончились военные конфликты

между двумя государствами. Впоследствии эту же практику продолжил его сын Уали. Правители Абылай и Уали были личностями сильными, влиятельными и дальновидными. Кроме того, они поддерживали постоянные дипломатические связи с Цинской империей. Обе империи считали казахов своими подданными, и казахские правители отправляли посольства и в Российское, и в Цинское государства. Двойное подданство, во-первых, предоставляло некоторую свободу Абылаю и Уали в политических решениях, во-вторых, позволяло казахам в различных сложных ситуациях, возникавших между империями, занимать нейтралитет и, в-третьих, открывала дополнительные возможности для торговых обменов. Другими словами, именно тот факт, что Абылай и Уали имели помимо российского подданства дипломатические отношения с Цинской империей, позволял им действовать произвольно. Попытки продолжить практику поддержки отношений были предприняты и после кончины Уали в 1821 г. Но Российская империя приступила к отмене ханской власти в Среднем жузе, введя новые правила в 1822 г., и силовыми методами пресекла движение цинских дипломатических миссий на казахских территориях.

Источники

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 ГА ОО — Государственный архив Оренбургской области (Объединенный государственный архив Оренбургской области).
 ИА ОО — Исторический архив Омской области.
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Акимбеков 2018 — *Акимбеков С.* Казахстан в Российской империи. Алматы: Институт азиатских исследований, 2018. 503 с.
 Бейсембаева 2021 — *Бейсембаева А. Р.* Ранние упоминания в источниках Уали бахадур султана — казахского правителя XVIII века // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76 (3). С. 130–133
 Бейсембаева, Кабульдинов 2021 — *Бейсембаева А. Р., Кабульдинов З. Е.* Предпосылки, причины и ход выбора в ханское достоинство султана Уали // Вестник Казахского национального университета имени Аль-Фараби.

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Historical Archive of Omsk Oblast.
 Russian State Archive of Ancient Acts.
 State Archive of Orenburg Oblast.

- раби. Серия историческая. 2021. № 1 (100). С. 47–57.
 Из истории 2020 — Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.) / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М, 2020. 544 с.
 ИКРИ 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 3 / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
 ИКРИ 2006 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 8 / отв. ред. Б. Т. Жанасв. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 с.

- ИКРИ 2007а — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 5 / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. 620 с.
- ИКРИ 2007б — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. В 10 тт. Т. 6 / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс. 2007. 516 с.
- История Казахстана 2013 — История Казахстана в документах и материалах: Альманах. В 3 тт. Т. 3 / отв. ред. Б. Т. Жанаев. Караганда: ПК Экожан. 2013. 496 с.
- Прошлое Казахстана 1997 — Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 1: (V в. до н. э. – XVII в. н. э.) / под ред. С. Д. Асфендиярова, П. А. Кунте. Алматы: Казахстан. 1997. 383 с.
- Султаны и батыры 2018 — Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.). Сборник документов / сост. В. А. Сирик. Алматы: Литера-М. 2018. 560 с.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. Ш.* Степные владетели и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК. 2019. 480 с.
- Цинская империя 1989а — Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. В 2 ч. Ч. 1 / сост. К. Ш. Хафизова. Алма-Ата: Наука. 1989. 216 с.
- Цинская империя 1989б — Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. В 2 ч. Ч. 2 / сост. К. Ш. Хафизова. Алма-Ата: Наука. 1989. 227 с.
- Эпистолярное наследие 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов. В 2 тт. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АО АБДИ Компани. 2014. 696 с.
- Onuma 2014 — *Onuma T.* Dispatch of the Nusan Mission: The Negotiations between Qing and Ablay in 1757 // *Azia Bunkashi Kenkyu*. 2014. № 14. Pp. 1–20.

References

- Akimbekov S. Kazakhstan in the Russian Empire. Алматы: Institute of Asian Studies. 2018. 503 p. (In Russ.)
- Asfendiyarov S. D., Kunte P. A. (eds.) The Past of Kazakhstan in Sources and Materials. Coll. 1: 5th Century BCE – 17th Century CE. Алматы: Kazakhstan. 1997. 383 p. (In Russ.)
- Beisembayeva A. R. Earliest mentions of Uali Bahadur Sultan — a 17th century Kazakh ruler. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021. № 76 (3). S. 130–133
- Beisembayeva A. R., Kabuldinov Z. E. Prerequisites, reasons and course of choosing the khan dignity of the sultan Uali. *Journal KazNU: History (Bulletin of History)*. 2021. No. 1 (100). Pp. 47–57. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. (comp.) Qing Empire and Kazakh Khanates: Mid-18th to Early 19th Century. In 2 parts. Part 1. Alma-Ata: Nauka. 1989. 216 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. (comp.) Qing Empire and Kazakh Khanates: Mid-18th to Early 19th Century. In 2 parts. Part 2. Alma-Ata: Nauka. 1989. 227 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. Steppe Rulers and Their Diplomacies: 18th–19th Centuries. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute of Strategic Studies. 2019. 480 p. (In Russ.)
- Onuma T. Dispatch of the Nusan mission: The negotiations between Qing and Ablay in 1757. *Azia Bunkashi Kenkyu*. 2014. No. 14. Pp. 1–20. (In Jap.)
- Sirik V. A. (comp.) Histories of the Great Steppe: 1770s–1790s. Алматы: Литера-М. 2020. 544 p. (In Russ.)
- Sirik V. A. (comp.) Sultans and Batyrs of the Middle Zhuz: Mid-to-Late 18th Century. Collected documents. Алматы: Литера-М. 2018. 560 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources. In 10 vols. Vol. 3. Алматы: Daik-Press. 2005. 484 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources. In 10 vols. Vol. 5. Алматы: Daik-Press. 2007. 620 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources. In 10 vols. Vol. 6. Алматы: Daik-Press. 2007. 516 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) History of Kazakhstan in Sixteenth-to-Twentieth Century Russian Sources. In 10 vols. Vol. 6. Алматы: Daik-Press. 2007. 516 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Legacy of Kazakh Political Elites: 1675–1821. Collected historical documents. In 2 vols. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Алматы: АБДИ Компани. 2014. 696 p. (In Russ.)
- Zhanaev B. T. (ed.) History of Kazakhstan in Documents and Materials. Almanac. In 3 vols. Vol. 3. Karaganda: PK Ekozhan. 2013. 496 p. (In Russ.)

